

3. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1992.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

И.Д. Денисенко, г. Харьков, Украина

Анализ современной социально-гуманитарной литературы свидетельствует, что исследования трансформационных процессов в современном обществе составляют весомую часть исследовательских практик как западных, так и отечественных представителей мирового научного сообщества (У. Бека, Ж. Бодрийяра, В. Буряк, И. Валлерстайна, З. Голенкова, Э. Гидденса, М. Кастельса, А. Лазаревича, Н. Лумана, А. Тоффлера, Ф. Фукуяма, С. Хантингтона, Ш. Эйзенштадта) [1–6; 8–12].

Чаще всего предметом исследования выступают особенности проявления и оценка уровня последствий этих процессов в условиях существующей социальной реальности, представленной, например, в работах У. Бека «обществом риска»; Ж. Бодрийяра – «миром постмодерна» или так называемой «сверхреальностью», И. Валлерстайна – «знакомым миром», Э. Гидденса – «эпохой современности»; М. Кастельса – «сетевым обществом», А. Лазаревича – «коммуникационным обществом» и т.д.

Очевидно, что проблемное поле трансформационных процессов не может быть адекватно интерпретировано без концептуального осмысления их контекста, то есть существующей (наблюдаемой) социальной реальности.

Согласно высказываниям известного американского исследователя Дж. Ритцера, практически все дискуссии, организованные в рамках западноевропейского и американского научных сообществ в конце XX – начале XXI столетия, выходят на проблему адекватной интерпретации и соответствующей оценки именно изменений, происходящих с наблюдаемой реальностью. «По мере того, – говорит исследователь, – как мы вступаем в XXI век, век социальных теоретиков, нас в все большей степени занимает вопрос: подверглось ли общество, а также теории о нем ярким трансформациям» [7, с. 34].

Дж. Ритцер утверждает, что в результате поисков ответа на поставленный вопрос эти социальные теоретики распределились на две группы.

«Одна из позиций – отмечает американский социолог, – представлена творчеством группы теоретиков (среди них, в первую очередь, следует назвать Ю. Хабермаса и Э. Гидденса), полагавших, что мы продолжаем жить в обществе, которое правильнее всего называть современным... Иной точки зрения придерживается другая группа

мыслителей (например, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар и Ф. Джеймисон), которые утверждали, что общество изменилось так резко, что мы сейчас живем в качественно новом, постмодернистском обществе» [7, с. 46–47].

Очевидно, что наличие данных позиций предполагает существование в современной системе социально-философских знаний определенной методологической амбивалентности. То есть, осознание наблюдаемой социальной реальности как современного общества, развитие и функционирование которого активно интерпретируется различными теоретическими конструкциями середины XX века, позволяет исследователям снова (при необходимости объяснить определенные изменения в ее структуре и сферах существования) обращаться к основным положениям этих концепций.

Признание существующей социальной реальности обществом так называемого «постмодернистского» типа предполагает для адекватной интерпретации изменений, происходящих с его структурными элементами и пространством их функционирования, формирование (или разработку) качественно новой теоретической конструкции.

Анализ современной социально-философской и социологической литературы свидетельствует, что еще с середины 80-х годов XX столетия среди большинства как западных, так и отечественных исследователей начинает доминировать идея о том, что «теории Маркса, Вебера, Дюркгейма и другие во многом уже не могут должным образом объяснить содержание и направленность социальных изменений в современном мире» [13, с. 19]. Именно в этот период в западном научном сообществе начинается активный поиск (который продолжается и сегодня) методологических оснований для построения теоретической конструкции, адекватно интерпретирующей содержание и развитие нового варианта социальной реальности.

При этом, следует подчеркнуть, что обращение исследователей к проблеме определения основных стратегий построения теории, адекватно интерпретирующей содержание и динамику современного общества в условиях повсеместных трансформаций, на наш взгляд, должно происходить с учетом следующих моментов.

Во-первых, среди представителей научного сообщества в контексте развития междисциплинарного синтеза следует организовать дискуссию относительно определения уровня корреляции концепций, интерпретирующих формирование и развитие именно современной социальной реальности (например, теорий «информационного общества» М. Пората, «активного общества» А. Этциони, «кооперативного общества» Д. Клиффорда и др.), и других теоретических конструкций (например, структурно-функционального анализа, системного анализа, теории социального конфликта и т. д.).

Во-вторых, необходимо уточнение категориально-понятийного аппарата и согласование основных положений различных вариантов теоретических конструкций, представляющих одну и ту же теорию современного общества. Например, разработка теории «общества риска» в современной западной социально-философской и социологической литературе представлена в основном исследованиями У. Бека, Э. Гидденса и Н. Лумана. Однако, анализ этих исследований позволяет утверждать, что основной концепт этой теории – понятие «риск», в каждом из предложенных вариантов имеет свою авторскую экспликацию.

Так, для немецкого исследователя Н. Лумана риск является обратной стороной нормальной формы развития процессов современного общества, и «только при обращении к обратной стороне нормальной формы мы и можем распознать ее как форму» [10, с. 141]. «Риск, – утверждает другой немецкий философ У. Бек, – может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцированными и произведенными модернизацией как таковой. Риски в отличие от опасностей прошлых эпох – следствия угрожающей мощи модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха» [2, с. 45]. Для английского социолога Э. Гидденса риск выступает определенным механизмом структурирования современного мира [5].

В-третьих, должны быть определены логико-методологические основы (концептуальная схема), позволяющие:

- выразить в абстрактной форме основные положения каждого из вариантов теории формирования и развития современного общества (от «сетевого» М. Кастельса до «активного» А. Этциони);
- систематизировать и согласовать эти утверждения между собой;
- согласовать эти концепты с имеющимися в наличии эмпирическими данными.

Литература:

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну/ Ульрих Бек. – М., 2000.
2. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // THESIS. – 1994. № 5.
3. Буряк, В.В. Глобальное гражданское общество и сетивые революции / В.В. Буряк. – Симферополь, 2011.
4. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Иммануэль Валлерстайн. – М., 2004.
5. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. № 5.
6. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Энтони Гидденс. – М., 2005.

7. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Джордж Ритцер. – СПб., 2002.
8. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс. – М., 2000.
9. Лазаревич, А.А. Глобальное коммуникационное общество / А.А. Лазаревич. – Минск, 2008.
10. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS. – 1994. № 5.
11. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М., 2003.
12. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М., 1999.
13. Ядов, В.А. Информация о XII Всемирном социологическом конгрессе / В.А. Ядов, З.Т. Голенкова // Социс. – 1990. № 11.

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ

А.П. Ждановский, г. Минск, Беларусь

Становление постклассической европейской философии проходило под знаком переосмысления природы разума, рациональности. Классическая философия утвердила идею гармонии между организацией бытия и субъективной организацией человека, когда мыслительные акты однозначно соответствуют связям и дифференциациям объектов. Постклассическое мышление указывает на историческую изменчивость самого бытия, отказывается строить свое содержание как систему законченного рационального знания. Изменяется само понимание истинности, «разумности» знания. Если для классического философствования характерно стремление к объективной, «вечной» истине, преодолевающее на этом пути множество препятствий и, прежде всего, предрассудков, обусловленных самой природой человека, его психофизической организацией, несовершенством языка и форм общения, исторической ограниченностью любых видов практики, то постклассика трактует знание через выявление его эффективности, практичности, утилитарности: истина должна прежде всего согласовать экзистенцию с формами социальной жизни, приспособить человека к миру.

Свой особый ракурс постановки и решения этих методологических, философско-мировоззренческих проблем предложила феноменология Э. Гуссерля.

Философ отказывается от идеи психологизма, т.е. трактовки истин науки как зависящих от факта их переживаемости конкретными индивидами. Содержание истин, учит Э. Гуссерль, не зависит от их конкретной наполненности психической энергией субъектов. Истины наук